

Marcus Binney

The purpose of this report is to illustrate the immediate, extensive and overwhelming threat to Moscow's historic architecture. It is an assault on great city landmarks like the Moskva Hotel, demolished amidst furious controversy and now being rebuilt as a crude replica immediately outside the walls of the Kremlin, and the Art Nouveau Voyentorg department store also a stone's throw from the Kremlin. Most people think of St Petersburg when they think of historic Russian architecture, but Moscow has seen some of the finest construction in the country over nine centuries. It is home to imposing, beautiful and fascinatingly bizarre buildings in a variety of styles. But due to a massive building boom, this dense and delicate fabric that defines the character of the city is under full-scale attack.

Whole rows of traditional painted wooden buildings along ancient streets and river quaysides are being destroyed and deformed, robbing the city of some of its most picturesque beauty. Great

20th century landmarks threatened with demolition include the 'Children's World' department store, a 20th century building with the rugged grandeur of Chicago's famous early 20th century skyscrapers. Moscow's Constructivist buildings, one of the greatest Modernist legacies in the world, stand neglected and desperately in need of restoration. More than 1,000 buildings, hundreds of them of historic and architectural importance, have been destroyed in the last five years alone, approximately 200 of them listed buildings. Architectural monuments of all preceding eras are under threat. Nothing is sacrosanct. Currently at least seven 17th century *palaty* – among Moscow's earliest surviving secular buildings – stand derelict and several more have been completely destroyed in recent years.

The replacement buildings are not all Modernist as might be the case in many cities. Often they are in idioms ranging from ersatz-replica to bloated post-modern. Yet to Muscovites who love and appreciate the architecture of

their city, these over-scaled new monsters are an outrage, whatever lip service they pay to history, producing a mock-heritage in place of authentic buildings quite capable of undergoing renovation to modern standards.

No less sinister is the large number of traditional buildings presently veiled in green shrouds or completely covered in advertising hoardings. Sometimes this is a prelude to restoration work or the retention of facades but more often it is an omen of the complete disappearance of the building, which is first erased from memory.

Moscow is at the point many European and American cities were in the 1960s and in danger of repeating their mistakes. There is immense energy for rebuilding and investment – but a cavalier approach to planning laws and a reluctance to consult citizens and citizen groups. This is turning the whole planning process into a blunt and clumsy instrument that lacks the sophistication and sensitivity essential if a great capital city is to retain its good looks as well

as the distinctiveness of different city neighbourhoods or quarters. Moscow is failing to heed the key role historic quarters have played in the rejuvenation of Europe's capital cities – the Marais in Paris, Covent Garden and Smithfield Markets in London, or the quaysides of Copenhagen and Stockholm.

Equally there is a failure to respect preservation laws or follow guidance from official preservation bodies – the equivalent of the Monuments Historiques in France, the Soprintendenze in Italy or the Denkmalschutz in Germany. This is the more tragic as Moscow's expertise ought to be more than adequate to protect its own buildings. The extent and quality of documentation of historic buildings is outstanding: despite the parlous state of their institutions, scholars and conservators are as numerous, well-trained and knowledgeable as any in the world. On paper, preservation laws are thorough and ought to be a perfectly sound defence for historic buildings. But widespread corruption means that these

> Church of the Kazan Mother of God. 3 Nikolskaya Ulitsa. Originally 1635-1636, demolished 1936, reconstructed 1990-1993
Собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади.
Ул. Никольская, д. 3.
Построен в 1635-1637 г., снесен в 1936 г., восстановлен в 1990-1993

Moscow's Heritage – Authentic or Ersatz historic city Историческое наследие Москвы – подлинник или подделка?

Маркус Бинни

Основная задача данного Отчета – всесторонне обрисовать угрозу полномасштабного уничтожения исторической архитектуры Москвы. Серьезность этой угрозы стала очевидна после сноса двух поистине знаковых для города зданий. Первое из них – это гостиница «Москва», которую стерли с лица земли, несмотря на яростные протесты, и на месте которой, прямо рядом с Кремлем, теперь кипит огромная стройка. Второе – универмаг «Военторг», общепризнанный памятник московского модерна, также располагавшийся в двух шагах от Кремля. Многие иностранцы, говоря о русской исторической архитектуре, прежде всего вспоминают Санкт-Петербург. Но ведь в Москве почти за девять веков ее истории было воздвигнуто множество выдающихся сооружений, составляющих гордость страны. Тем не менее, из-за невероятного строительного бума последних лет, историческая архитектурная среда Москвы, формирующая подлинное лицо города – яркая, многоликая и одновременно очень уязвимая – сегодня находится под угрозой исчезновения.

Целые кварталы традиционных деревянных домов вдоль старин-

ных улиц и набережных уничтожаются и деформируются, что лишает город живописности и своеобразия. Под угрозой оказываются постройки XX века, ставшие визитными карточками Москвы, например универмаг «Детский мир» (1953-1957), чей внушительный облик напоминает о знаменитых чикагских небоскребах начала прошлого столетия. Памятники московского конструктивизма, признанные классикой мировой модернистской архитектуры, пребывают в запущенном состоянии и вызывают о неотложной реставрации. Только за последние пять лет было снесено более тысячи зданий, сотни из которых имели архитектурное и историческое значение, а около двухсот официально обладали статусом объектов культурного наследия. Опасность нависла над архитектурой всех исторических эпох – ничто более не является неприкосновенным. Например, по меньшей мере семь палат XVII века, самых ранних из дошедших до наших дней жилых построек Москвы, пребывают сегодня в руинах, и еще несколько были полностью уничтожены в последние годы.

Дома, вырастающие на месте снесенных, далеко не всегда строятся в ультрасовременных, модер-

нистских формах, как это могло бы быть во многих других городах мира. Очень часто они представляют собой либо муляж-подмену, либо несоизмерных масштабов «постмодернистский» китч. Для москвичей, которые любят и ценят архитектуру своего города, эти гигантские монстры – настоящее оскорбление. Несмотря на лицемерные попытки имитировать исторический облик, эти новые здания производят впечатление глумливой подделки, возникшей на месте исторических памятников, которые вполне могли быть отреставрированы и приспособлены к современным запросам.

Не менее угрожающе смотрится огромное число исторических зданий, полностью скрытых зеленой сеткой или рекламными щитами. Иногда это означает, что вскоре должна начаться реставрация или окраска фасадов, однако чаще это служит предзнаменованием полного сноса – просто сначала здание таким изощренным образом стирается из памяти горожан.

Сегодня Москва находится на том этапе развития, который многие европейские и американские города пережили в 1960-е годы, и может повторить их ошибки. Сейчас здесь сосредоточены огром-

ные экономические ресурсы, соответственно, увеличиваются инвестиции в реконструкцию и строительство. Это сопровождается бесцеремонным отношением к градостроительному законодательству и пренебрежением к мнению горожан и общественных организаций. Из-за этого весь процесс городского планирования превращается в грубый механизм, лишенный той гибкости и восприимчивости, которая требуется огромной столице для сохранения своей красоты и своеобразия. Исторические районы сыграли ключевую роль в возрождении европейских столичных городов – квартал Марэ в Париже, Ковент-Гарден и Смитфилд-Маркетс в Лондоне, набережные Копенгагена и Стокгольма, однако Москва не принимает во внимание этот опыт.

Точно так же в Москве не уважают законов о сохранении памятников и не считают нужным следовать рекомендациям официальных организаций, занимающихся проблемой сохранения наследия – аналогов Monuments Historique во Франции, Soprintendenze в Италии или Denkmalschutz в Германии. И это еще более трагично, так как для защиты своих собственных зданий московские эксперты и чи-

laws are rarely enforced. Also, due to a lack of demand for high quality restoration, this sector is small, despite the great achievements of restorers in the Soviet period.

The upside of the recent changes in Moscow is that thanks to renewed freedom of worship Moscow's churches and monasteries are now in the midst of a spectacular revival. Gilded and painted domes form glorious accents throughout the capital.

And these are not the only beauties Moscow has to offer: grand palaces appear at unexpected points all over the city. In St Petersburg the nobility dutifully attended court; they came to Moscow to enjoy themselves. The grandest palaces are on a scale unequalled in other European capitals with colossal porticoes of 12 and even 16 columns. Still more attractive are the more modest palaces, villas and merchants' houses – many with four and six column porticoes – and ranking in beauty with the famous Palladian villas of the Veneto.

The Silver Age is represented by as

many deliciously ornate hotels *privées* as Paris, here painted in pretty pastel colours. Like Berlin, Moscow has a wealth of imposing industrial architecture on the grandest scale. It is also the one city in the world with a ring of great railway termini to rival those of London and Paris.

The three great rings that girdle the capital have a scale of their own: the garden ring, the boulevard ring and the great walls of the Kremlin. The great Stalin high-rises deserve comparison with the Empire State Building and the Rockefeller Centre in New York, and create one of the world's most exotic city skylines. Moscow's grand public buildings are as imposingly situated on boulevards and rond points as those of Paris.

Part of the pleasure of exploring the Russian capital today is that Moscow's own version of the cafe life of Paris or Vienna is springing up. It is often to be found not on the grand boulevards but in courtyards opening off them. In summer customers sit out of doors under trees and umbrellas and occasionally in

delightful newly erected pavilions.

Moscow's mayor Yury Luzhkov has a burning desire to recreate lost masterpieces of the Russian capital. The prime example is the reconstruction of the Cathedral of Christ the Saviour on the Moscow River demolished in 1931 for the abortive Palace of the Soviets.

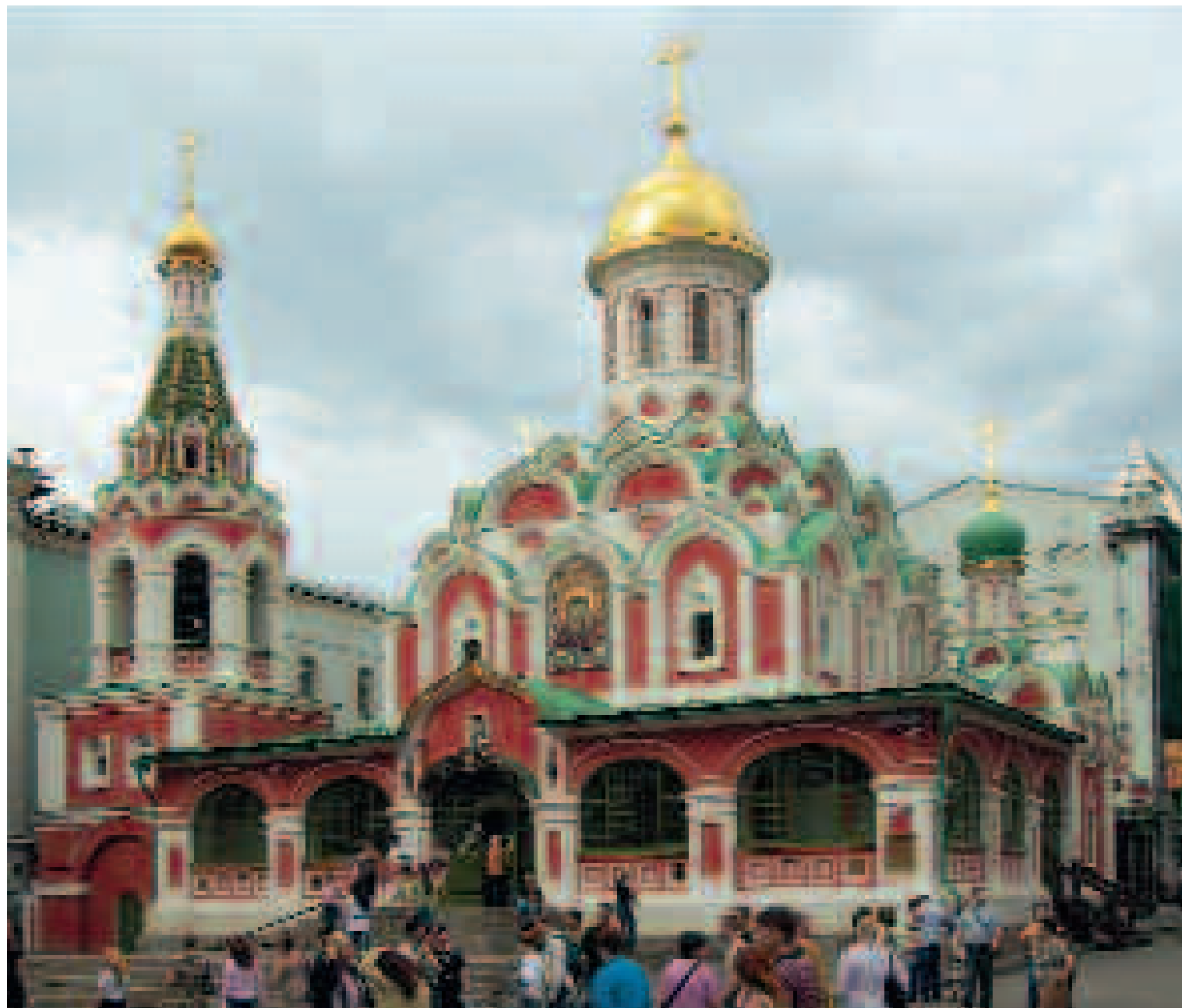
Without doubt this is a commanding new landmark even if some question the way modern materials and techniques were used in the rebuilding.

Few would quarrel with the charming reconstruction of the Church of the Kazan Icon of the Mother of God on the corner of Red Square or the reconstruction of the adjoining Gates of the Iberian Virgin which had been demolished so tanks could roll into Red Square in great Soviet May Day parades of military might.

But reconstruction takes other more controversial forms. All over the city genuine historic buildings have been demolished to make way for modern replacements that ape the originals with varying degrees of success. Numerous buildings have been 'facaded'. The pre-

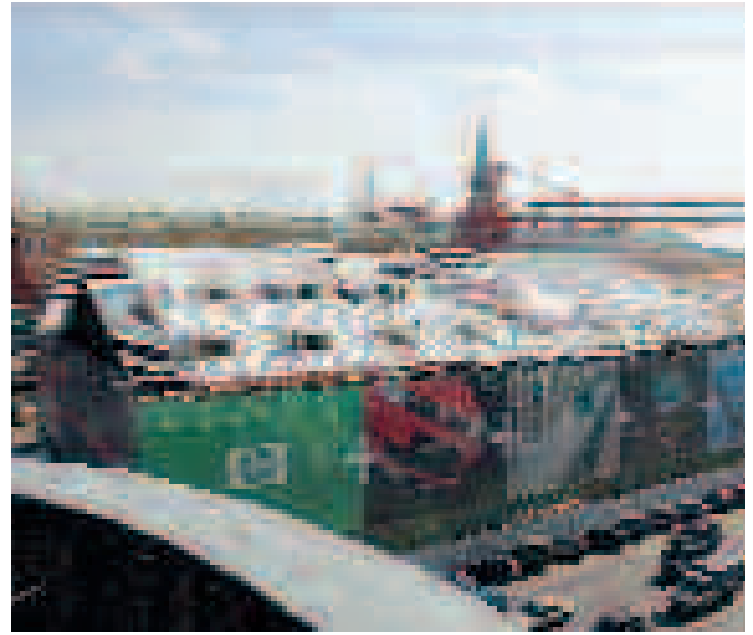
vailing view is that a modern version of an old building is just as good as, or better, than the original, and the concept of authenticity has been lost. This attitude is informing the approach of the city authorities to historic buildings of the first importance.

A case in point is the Manezh, the great temple-form riding school outside the walls of the Kremlin. While discussion about its restoration raged the building was consumed in a terrible fire. Subsequently it was reconstructed with impressive or alarming speed (according to your viewpoint). From the outside the new Manezh is a faithful reconstruction. But the roof was reconstructed without the original internal ceiling. The insertion of insulation below the roofline made it necessary to set the roof at a lower level, hence the roof beams now protrude through the line of the ceiling, making it impossible to be reinstated. An underground hall was also added, despite protests from conservationists that this would be disastrous for the historical integrity of the building.

▲ The Hotel Moskva. Manezhnaya Ploshchad. Alexei Shchusev et al., 1932-1938. Archival photograph of 1940. Гостиница «Москва». Манежная площадь. Арх. А.В. Щусев, Л.И. Савельев, О.А. Стапран, 1932-1938. Фото 1940 г.

▲ Roof of the Manezh being reconstructed, summer 2004 (see pp. 100-101). Манеж. Арх. О. Бове, инж. А. Бетанкур, 1817. Реконструкция крыши, лето 2004 (см. с. 100-101)

новники в своей работе должны быть более чем адекватными. Как и во всем мире, в Москве работают квалифицированные ученые и хранители памятников. Они достаточно многочисленны, являются профессионалами в своем деле, несмотря на тяжелое положение учреждений, в которых они работают. Объем документации об исторических постройках велик, и ее качество великолепно. На бумаге законы о сохранении памятников весьма основательны и, казалось бы, должны служить идеально надежной защитой для исторических зданий. Но вследствие широкого распространения коррупции эти законы редко проводятся в жизнь. Нужно также отметить, что по причине падения спроса на высококачественную реставрацию эта сфера деятельности переживает упадок, несмотря на крупные достижения реставраторов в советское время.

Позитивный аспект недавних перемен в Москве заключается в том, что благодаря возобновленной свободе вероисповедания московские церкви и монастыри переживают сейчас впечатляющее возрождение. Позолоченные и расписные купола представляют собой великолепные архитектур-

ные доминанты всего города.

И это далеко не единственные красоты, которые можно увидеть в Москве: в разных районах города, в самых неожиданных местах, встречаются роскошные дворцы. Если в Санкт-Петербурге аристократы должны были присутствовать при царском дворе, то в Москву они приезжали просто наслаждаться жизнью. Самым большим дворцом – с колоссальными портиками с 12 и даже 16 колоннами – нет равных по масштабу в других европейских столицах. Однако еще привлекательнее смотрятся более скромные по размерам особняки, усадьбы и купеческие дома – многие с четырех- и шестиколонными портиками. По красоте их можно поставить в один ряд со знаменитыми виллами Палладио в Венецианской области.

Эпоха модерна представлена столь же многочисленными, как в Париже, и столь же прелестно декорированными особняками, здесь окрашенными в приятные пастельные тона. Подобно Берлину, Москва богата внушительной промышленной архитектурой грандиозных масштабов. Кроме того, это единственный город в мире, чье кольцо огромных железнодорожных вокзалов может соперничать с анало-

гами Лондона и Парижа.

Три больших кольца, опоясывающие столицу, имеют собственную градацию: Садовое кольцо, Бульварное кольцо и стены Кремля. Великие сталинские высотки заслуживают сравнения с Эмпайр-стейт-билдинг и Центром Рокфеллера в Нью-Йорке, они формируют один из самых необычных в мире городских силуэтов. Грандиозные московские общественные здания также внушительно, как и в Париже, располагаются на бульварах и округлых площадях.

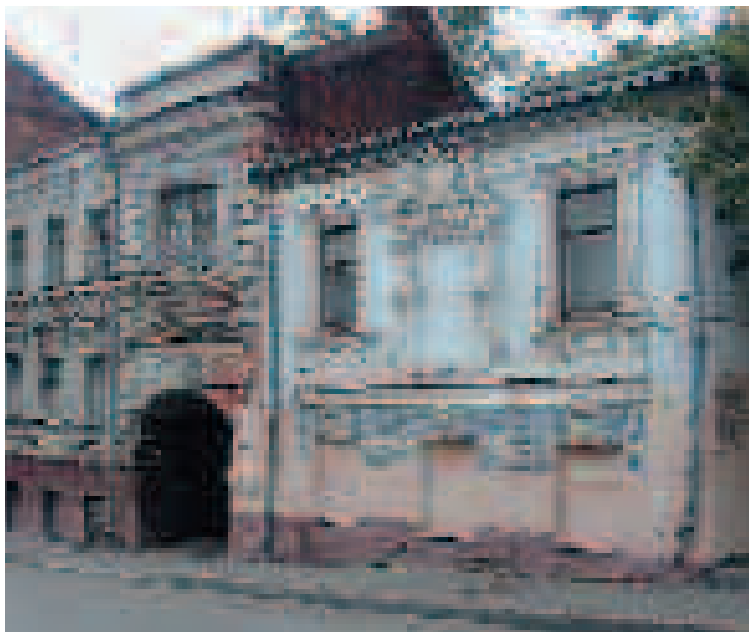
В Москве стал появляться собственный вариант парижской и венской жизни кафе и баров, что придает исследованию современной российской столицы особую прелесть. Эту жизнь можно найти не на больших улицах, а во внутренних дворах домов, выходящих на них. Летом посетители сидят на открытом воздухе, среди деревьев и под зонтиками, а иногда и в недавно сооруженных очаровательных павильонах. Трудно поверить, что эта богатая и пульсирующая жизнь культура кафе и баров появилась лишь в последние пятнадцать лет, и это яркий признак динамики города.

Мэр Москвы Юрий Лужков охвачен страстным желанием вос-

создать утраченные шедевры российской столицы. Главный пример – восстановление храма Христа Спасителя на Москве-реке, взорванного в тридцатые годы для сооружения Дворца Советов, который так и не был построен. Несомненно, что в городе появилась внушительная новая достопримечательность – хотя некоторые и оспаривают правомочность применения современных материалов и технологий для восстановления храма.

Едва ли можно оспаривать удачный результат восстановления собора Казанской Иконы Божией Матери на углу Красной площади или реконструкции примыкающих к ней врат Иверской Божией Матери, которые были снесены для того, чтобы на Красную площадь могли заезжать танки во время грандиозных советских военных парадов.

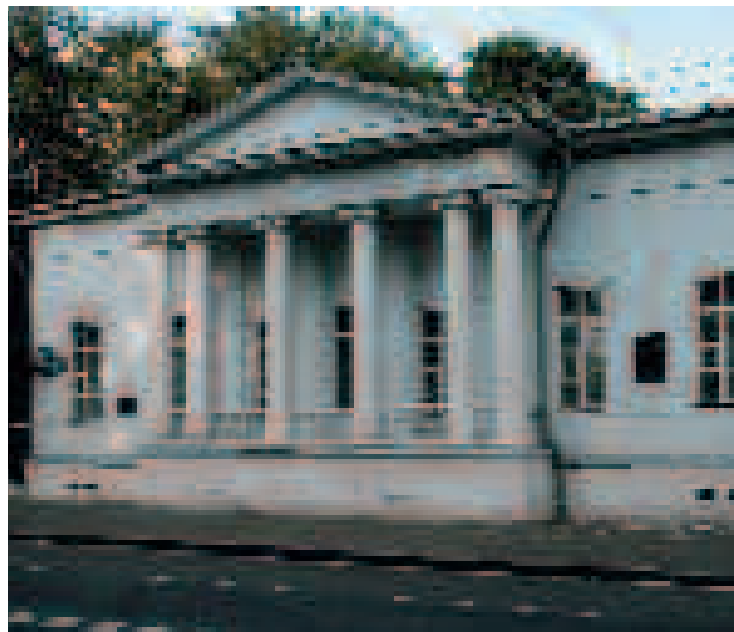
Но реконструкция зачастую носит и более спорный характер. По всему городу подлинники исторических зданий разрушаются для того, чтобы на их месте построить современные копии, имитирующие оригиналы с разной степенью подобия. Фасады множества зданий были «обновлены». Господствующая точка зрения заключается в том, что

Λ The Sysoyev house. 5 Pechatnikov Pereulok. Stucco work on façade of 1896
Дом П. Сисоева. Печатников пер., д. 5. Вторая пол. XIX в., декорация фасада 1896 г.

V Kievsky station, by Ivan Rerberg and Vladislav Oltarzhewsky, engineer Vladimir Shukhov, 1912-1917; train shed lost much of its authentic historical fabric during reconstruction in 2003-2004, although retains its original outline
Брянско-Киевский железнодорожный вокзал. 1912-1917. Арх. И.Рерберг, В. Ол-

таржевский; инж. В. Шухов. Дебаркадер потерял большую часть своей исторической ткани во время реконструкции в 2003-2004 годах, но все же здание сохранило свой элегантный силуэт

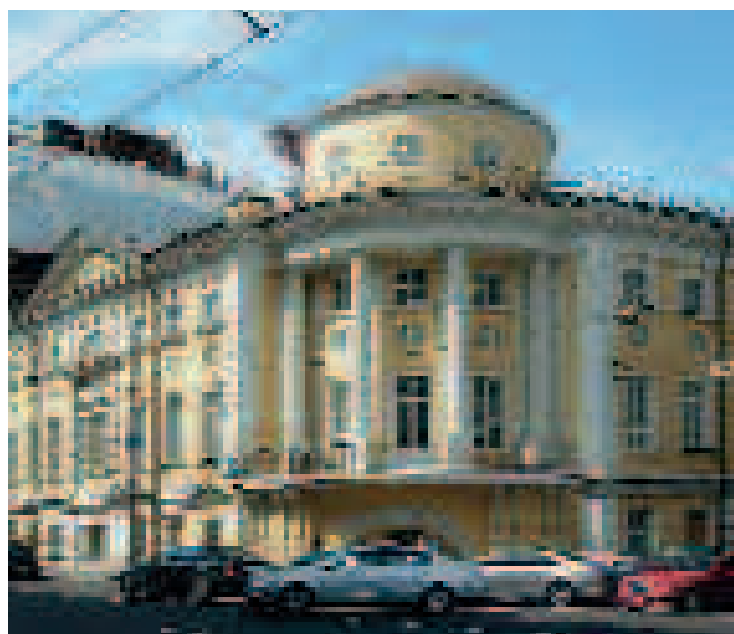
Λ Turgenev house. Ulitsa Ostozhenka 37. Early 19th century
Дом Тургеневых. Ул. Остоженка, д. 37. Начало XIX в.
V Razumovsky-Sheremetyev house. 8 Ulitsa Vozdvizhenka. 1790s
Дом А.К. Разумовского – Н.П. Шереметева. Ул. Воздвиженка, д. 8. 1790-е

современный вариант старого здания ничем не хуже, или даже лучше, чем оригинал, а само понятие подлинности более никого не интересует. Именно на таком отношении основывается подход городских властей к историческим зданиям первостепенной важности.

Пример – ситуация с Манежем. Пока шли дискуссии вокруг его предположительной реставрации,

в здании случился пожар. После этого оно было восстановлено с впечатляющей или вызывающей тревогу скоростью – в зависимости от вашей точки зрения. Снаружи новое здание Манежа – точная копия старого. Но крыша была восстановлена без оригинального потолочного покрытия. Перенесение изоляционного слоя под крышу заставило сместить ее вниз, из-за

чего балки крыши теперь выступают сквозь линию потолка, и его невозможно восстановить на прежнем месте. Вопреки протестам специалистов, настаивавших на необходимости сохранения исторической цельности здания, был добавлен подземный зал.

Уничтожение гостиницы «Москва», широко известной по этикетке на водке «Столичная», вызвало

бурю возмущения. Мэр Лужков пообещал, что новая копия гостиницы будет гораздо лучше оригинала. Но правителям Москвы следовало бы знать, что ни одна европейская столица не потерпит подобного уничтожения подлинного исторического здания, являющегося важной достопримечательностью. И конечно же, в европейской столице этого никогда не потеряют

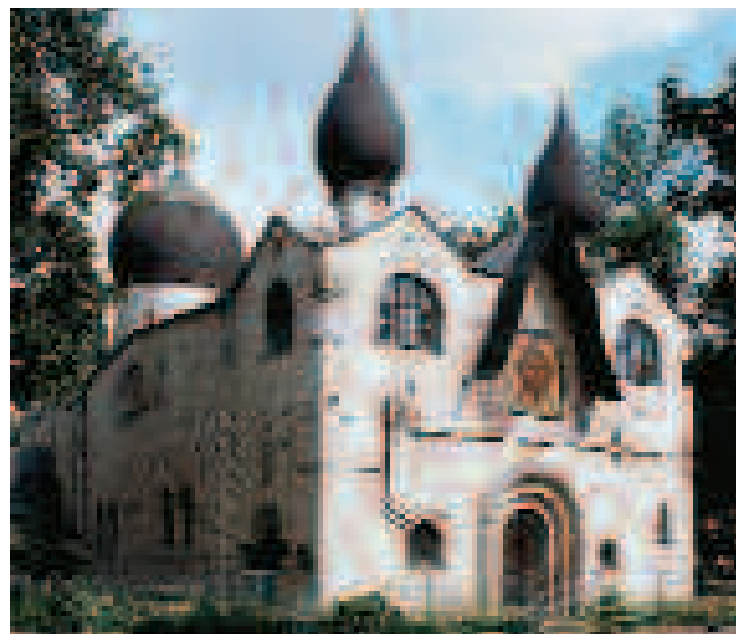
The demolition of the Moskva Hotel, famous as the image on the Stolichnaya Vodka label, caused outrage. Mayor Luzhkov has promised that when its replica is completed, it will be a breathtaking improvement on its former shabby state. But Moscow's rulers should be aware that no other European capital would tolerate destruction of the authentic fabric of a major landmark in this way. Nor indeed would its citizens. Indeed strong criticism has been voiced by many Muscovites who love their city and its old buildings but have little chance to participate effectively in the planning process. Bravely though they continue to speak out.

At the moment the Hotel Rossiya, a 1960s megastructure next to Red Square, is being demolished. The exact plans for the site are presently a mystery and whether the developer will rise to the challenge and replace it with authentically modern architecture or yield to the temptation to try and reinstate what previously stood on the site in the form of ersatz historic buildings

remains to be seen.

Another grandiose project of Mayor Luzhkov's is the proposed reconstruction of the summer palace of Tsar Alexei Mikhailovich in Kolomenskoye park, dismantled in the 1770s. While a model survives which would appear to record faithfully the external appearance, little is known about the interiors, making a faithful reconstruction impossible. The wasting of money on such Disneyland-style tourist attractions is difficult to countenance when historic buildings throughout the city are in urgent need of restoration. It is indicative of the city's failure to capitalise on the real appeal for visitors of its genuine built heritage.

The same mentality is at work at Tsaritsyno, a palace built under Catherine the Great that was never completed, and that stood as a romantic ruin in a great park in southern Moscow until last year. Now Luzhkov has decided to 'finish' it, placing a roof on it, constructing new outhouses and creating interiors from scratch, although the precise

A Church of the Intercession in the St. Mary and Martha Convent, Ulitsa Bolshaya Ordynka 34a, by Alexei Shchusev, 1908-1912, wall-painting of the Mandyllion over entrance by Mikhail Nesterov
Церковь Покрова Пресвятой Богородицы Марфо-Мариинской обители. Ул. Большая Ордынка, д. 34а. Арх. А. Щусев, 1908-1912.

Образ Спаса Нерукотворного над западным порталом исполнен М. Нестеровым

горожане. Многие москвичи также критиковали это решение – те москвичи, которые любят свой город и его старые здания, но у которых почти нет возможностей влиять на строительный процесс. Тем не менее они продолжают смело выступать против действий московских правителей.

В настоящее время сносится гостиница «Россия», гигантское сооружение 1960-х годов рядом с Красной площадью. Конкретные планы использования участка, где она находилась, сейчас являются тайной. Только будущее покажет, сумеет ли девелопер совершить прорыв и заменить «Россию» подлинной современной архитектурой или же он уступит искушению попытаться восстановить то, что стояло здесь прежде, в виде «новодела» – копии исторического здания.

Другой грандиозный проект мэра Лужкова – предложенная реконструкция Летнего дворца царя Алексея Михайловича в парке «Коломенское», который был разобран в 1770-е годы. Существует макет, на котором достоверно показано, как дворец выглядел снаружи, однако мало что известно о его интерьерах, и поэтому полная и точная реконструкция невозможна. Трудно одобрить бесполезную

трату денег на подобные туристические аттракционы в стиле Диснейленда, в то время как подлинные исторические здания по всему городу требуют безотлагательной реставрации. Такое положение вещей указывает на неадекватный подход города к привлечению туристов, заинтересованных именно в его подлинном архитектурном наследии.

Аналогичный подход власти демонстрируют и в случае с Царицынским дворцом, строительство которого начала Екатерина Великая, и который остался незавершенным. Вплоть до прошлого года дворец сохранялся как романтическая руина в огромном парке. Теперь Лужков решил его «закончить» – возвести над ним крышу, построить несколько примыкающих зданий и создать интерьеры, для которых даже не осталось проектов XVIII века. В спешке был фактически пропущен этап планирования – ради желания завершить проект до истечения срока пребывания Лужкова на посту мэра в 2008 году. Ведущаяся современными техническими методами реконструкция не имеет ничего общего с научной реставрацией. Исторический парк перекапывается и произвольно перепланируется.

То, что французы называют *petit patrimoine*, жизненно важно для Москвы. Красота многих крупных исторических городов Европы заключена именно в гармонии довольно скромных зданий, выраженной в городских видах кисти таких художников, как Каналетто и Белотто. И хотя Москва была существенно перестроена после пожара 1812 года, она может похвастаться многими улицами, обладающими замечательной гармонией и цельностью. Такова, например, Большая Ордынка, к югу от набережных Замоскворечья, где до сих пор еще можно найти следы старой, «допожарной» Москвы, состоящей из небольших и невысоких домов.

Большая Ордынка – это район великолепней православных церквей, на этой улице можно совершить подлинное путешествие сквозь века. Оно начинается с пышной барочной церкви святого Климента, Папы Римского, приписываемой Растрелли – автору Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. В этой церкви традиционные черты – византийский план в виде креста, вписанного в квадрат, и пять куполов – преобразованы роскошным и монументальным архитектурным языком позднего барокко. Она бы-

ла закрыта для верующих в 1935 году, и священник рассказал нам, что он провел двести тридцать служб на улице рядом, пока прихожанам не разрешили снова собираться в части крипты. Там проходили богослужения до тех пор, пока всю церковь заново не открыли для верующих. Восхитительный барочный интерьер был спасен от разграбления во время коммунистического режима благодаря смелости зрителей, которые установили в нем шкафы для хранения книг из Государственной библиотеки им. Ленина (в церкви был создан ее филиал). Таким образом, стало невозможно убрать оттуда богато украшенные иконостасы. Однако храм все еще находится на стадии возвращения к своему прямому назначению, и процесс этот затянется надолго. А это означает, что церковь продолжает ветшать.

Другие церкви, расположенные рядом, находятся в лучшем состоянии. Это прекрасная неоклассическая церковь Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость с куполом, опирающимся на кольцо высоких и стройных ионических колонн. Вдоль улицы расположена Марфо-Мариинская обитель, отличный пример национального романтического

intentions of the building's 18th century architects remain unknown. The planning system was side-stepped in the rush to complete the project before Luzhkov's term as Mayor comes to an end in 2008: modern construction techniques are being used and slap-dash restoration methods.

What the French call the *petit patrimoine* is of vital importance to Moscow. Lesser buildings make up the attractive townscape of many handsome streets – the *Stadtbild* as it is described in German. The beauty of numerous major historic European cities lies in the harmony of quite modest buildings celebrated in the townscapes of painters like Canaletto and Belotto. Though Moscow was substantially rebuilt after the fire of 1812, the city boasts many streets with remarkable harmony and consistency – for example, *Ulitsa Bolshaya Ordnyka* to the south or the *Zamoskvorechye* quayside, where traces of the old, low-rise Moscow are still to be found. This is an area of superb Orthodox churches, a veritable journey through the centuries.

It begins with the splendid baroque church of St Clement, ascribed to Bartolomeo Rastrelli, author of the Winter Palace in St Petersburg, in which the traditional Byzantine five-domed cross-in-square configuration is translated into the sumptuous language of late Baroque architecture. It was closed for worship in 1935 and we were told by the priest that he had held 230 services in the street outside until the congregation were given use of part of the lower church prior to the reopening of the whole building for worship. The glorious Baroque interior was saved from being ransacked during communist years thanks to brave curators who installed storage book stacks for the national library making it impossible to remove the rich early Rococo iconostases. However, it is still in the course of re-commissioning, a long drawn out process that means the church continues to decay.

Other churches nearby in better condition are the beautiful Neo-Classical Church of The Icon of the Virgin – Con-

solation Unto All Who Suffer, with a dome supported on a ring of tall slender Ionic columns. Along the street is the Convent Church of Martha and Maria, a superb example of National Romantic revival by Shchusev of 1908-1912 with exemplary art and crafts detail.

Moscow's many wooden houses pose a special challenge. Externally many look like masonry buildings faced in stucco render. In fact they were built using logs which have often decayed badly during a century in which basic maintenance has been neglected. With more care and less haste many of these could be repaired in a traditional manner preserving a significant part of the original fabric, rather than being destroyed and rebuilt in reinforced concrete.

Around the world, from the Ghirardelli Chocolate Factory in San Francisco to the Fiat Factory in Turin and the power station housing Tate Modern at Bankside in London, industrial architecture is playing a vital role in the regeneration of cities. Moscow's Artplay is a sophisticated conversion of a 1904 silk

factory warehouse as a collection of studios, offices and galleries making dramatic and successful use of raw industrial space. Nevertheless, it faces demolition in 2008 due to the high price of land on which it stands. Many other industrial conversions, such as that of the Red October Factory, are underway in Moscow and should be lauded.

Artplay should not be demolished – its example could and should be repeated tenfold. Instead Moscow is in danger of becoming an ersatz city with the occasional faithful replica outnumbered by architectural mongrels that make a mockery of Russia's great past, of the fine craftsmanship of previous centuries, of the abundance of talent and creativity of architects, both Russian and foreign who have worked in Moscow.

модерна, построенная Щусевым в 1908-1912 годах. Светские постройки на Большой Ордынке также сохранились лучше, чем в других районах города, хотя многие из красивых двухэтажных классицистических зданий (подобных тем, что тянутся вдоль Бульварного кольца) были разрушены и заменены большими по размерам «новодельными» копиями.

Многочисленные московские деревянные дома вызывают особенно сложные проблемы. Снаружи многие из них выглядят как каменные и оштукатуренные. На самом же деле они построены из бревен и сильно обветшали за последнее столетие, когда их вообще не ремонтировали. При большей заботе и меньшей спешке деревянные дома можно было отреставрировать традиционными способами, сохранив значительные части оригинальных зданий, а не разрушать их, строя потом заново вольные копии из железобетона.

Во всем мире существуют десятки примеров того, что промышленная архитектура играет существенную роль в обновлении городов: это и шоколадная фабрика Жиранделли в Сан-Франциско, и фабрика «Фиат» в Турине, и гидроэлектростанция в лондонском Бэнксайде,

где сейчас находится галерея Tate Modern. Московский Центр дизайна «Artplay» – пример последовательного превращения помещений шелковой фабрики, построенных в 1904 году, в ряд студий, офисов и галерей. Тем не менее, ему угрожает уничтожение из-за высоких цен на землю в районе, где он расположен. В настоящее время происходит много подобных «превращений» промышленных зданий – например, в процессе реконструкции находится фабрика «Красный Октябрь», и подобные случаи достойны похвалы.

Вместо того, чтобы разрушать «ArtPlay», следовало бы десятки раз повторить его пример. Пока что Москва остается в опасности превратиться в «эрзац-город» дешевых копий и фальшивого исторического наследия. При попытке воссоздать утраченные памятники возникают дикие архитектурные мутанты, выглядящие насмешкой над великим прошлым России, мастерством строителем прошедших веков и творчеством множества талантливых архитекторов, русских и иностранных, которые работали в Москве.

V Church of St. Clement,
26/7 Pyatnitskaya Ulitsa,
1756-1758 and 1762-1769,
interior finished in 1774
Церковь святого Климента,
Папы Римского. Пятницкая
ул., д. 26/7. Колокольня и
трапезная возведены в
1756-1758 годах, основной
объем в 1762-1769, отделка
завершена в 1774

